

**Местнические конфликты княжеских фамилий
Московского государства XVI–XVII вв.: динамика и
тенденции**

Княжеские фамилии; социальный статус; местничество; динамика.

В статье на основе хронологического реестра, составленного Ю.М. Эскиным, приведена и интерпретирована динамика местнических конфликтов с участием представителей княжеских фамилий. Отмечена связь числа местнических столкновений отдельных фамилий с ростом их социального статуса.

Местничеству посвящено немало работ историков и, хотя достигнуты важные результаты в изучении этого социального института, остается широкое поле для исследования. Историография XIX–XX вв. по местничеству проанализирована в монографии Ю.М. Эскина [17, с. 8–24]. Существенное значение для темы настоящей статьи имеет одна из последних публикаций этого ученого, рассматривающая общую динамику местнических конфликтов [14, с. 79–85]. На основе методики, описанной в указанной работе, и хронологического реестра, составленного Ю.М. Эскиным [16], ниже рассматривается динамика местнических столкновений княжеских фамилий. Большая социальная группа титулованных фамилий, сыгравшая значительную роль в истории Московского государства, сложилась в процессе перехода на службу в Москву князей Северо-Восточной, Юго-Западной Руси, представителей татарской, кавказской знати. С периодами формирования этой группы, ее расцветом во второй трети XVI в. и постепенным упадком в последующий период² тесно связана история местничества.

Динамика местнических столкновений с участием представителей княжеских фамилий³ приведена на диаграмме (Рис. 1).

---

¹ Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н.; sergeev1967@inbox.ru.

² Выводы о периодах подъема и упадка благосостояния княжеских фамилий в XVI–XVII вв. получены на основе изучения их вкладов в Троице-Сергиев и другие монастыри [11; 12].

³ Под *княжеской фамилией* понимается передававшееся на протяжении жизни двух и более поколений наименование семьи, использовавшееся современни-

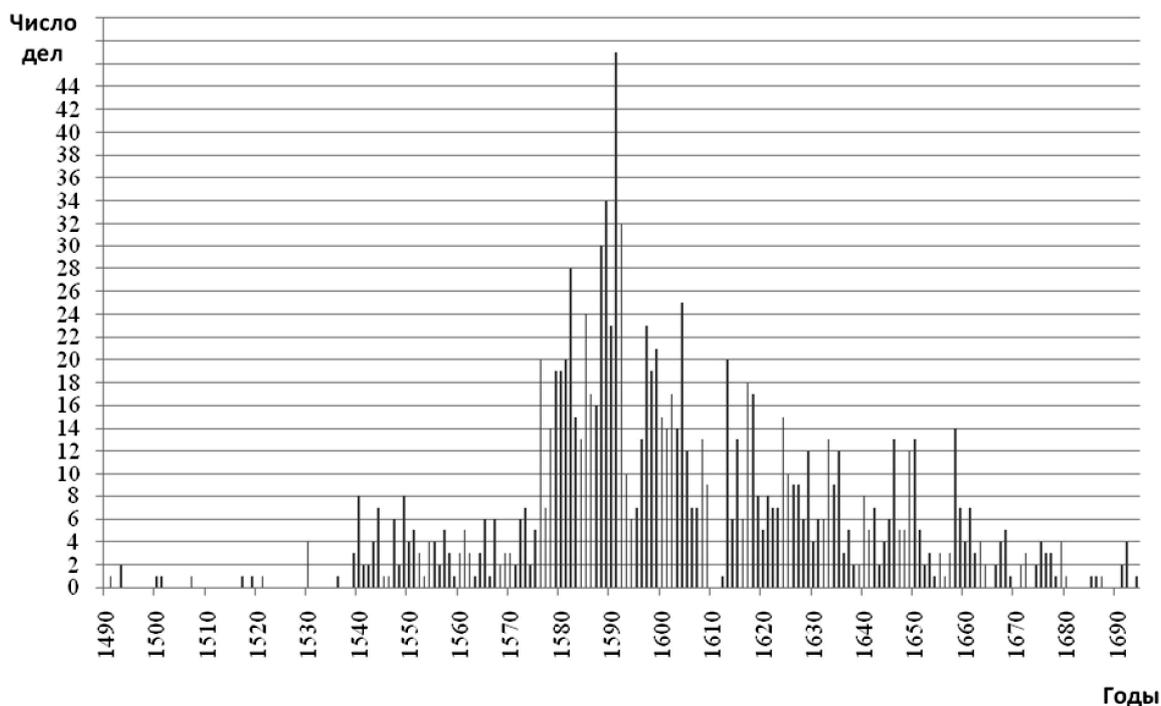

Рис. 1. Динамика местнических столкновений (дел) с участием представителей княжеских фамилий 1491–1694 гг.⁴

На Рис. 1 можно выделить следующие этапы подъема и спада местничества. Первый – период становления этого института – приходится на 1491–1540 гг. Как показал А.А. Зимин [4], почти все столкновения конца XV – первой трети XVI в. сомнительны, и их однозначная интерпретация как местнических спорна. В 1540 г. имел место резкий всплеск конфликтов на почве местничества (их число впервые достигло 8) и начался второй – период формирования института местничества, длившийся до 1576 г. В этом году количество столкновений достигает следующей рекордно высокой отметки – 20, и данный институт вступает в период расцвета, продолжавшийся до 1610 г. Количество местничеств в отдельные годы (1588, 1589, 1592) достигало и превышало 30. Самое большое число (47) пришлось на 1591 г. Затем последовал небольшой спад, но все же число конфликтов осталось значительным до конца царствования В.И. Шуйского. В «безгосударное» время 1610–1612 гг. местничества прекращаются в связи с отсутствием легитимного правителя, но в 1613 г. число протестов вновь достигает высокой отметки (20). С 1613 до 1660-х гг. количество местнических столкновений неуклонно понижается, а затем этот институт

ками для определения ее принадлежности к линии или ветви рода Рюриковичей, Гедиминовичей и др.

⁴ Благодарю Т.Г. Гуляеву за помощь в построении диаграммы.

вступает в период угасания, хотя отдельные местничества зафиксированы даже после официального упразднения в 1682 г.

В каком отношении к общему числу местнических столкновений находятся конфликты с участием князей? Прежде всего, следует определить общее количество местничеств. Хронологический реестр содержит 1717 номеров. Из этого числа следует вычесть номера 1–7 как выходящие за границы рассматриваемого периода номера, не содержащие указания на местническое столкновение, а только на законодательство, регулировавшее функционирование этого института, пропущенные номера (581, 582, 922, 1021), а также исключенные самим составителем реестра (33, 585, 1674). Необходимо прибавить номера с литерами «а» и «б», указанные в реестре и в дополнении к нему [17, с. 405, 424]⁵. Получившееся общее число местнических столкновений – 1639. Искомое отношение за весь период (1491–1694 гг.) – 1181/1639 (72 %). Можно заключить, что представители княжеских фамилий активно местничались, и число конфликтов с их участием составило почти три четверти от общего числа случаев за 200 лет. В первом периоде (1491–1539 гг.) отношение местничеств с участием князей к общему числу конфликтов – 17/29 (59 %); во втором (1540–1575 гг.) – 131/172 (76 %); в третьем (1576–1609 гг.) – 610/727 (84 %); в четвертом – 423/700 (60 %). Таким образом, большинство конфликтов до 1613 г. происходило между представителями княжеских фамилий и между княжескими и нетитулованными фамилиями, а позднее в этот институт втянулись нетитулованные фамилии, но все же он остался преимущественно «княжеским», чем и объясняется сходство диаграммы Рис. 1 с построенной Ю.М. Эскиным для всех известных местнических конфликтов [14, с. 81].

Сколько было в Московском государстве XVI в. княжеских фамилий? Ответ на этот вопрос может быть получен из «Бархатной книги» [9, ч. 1, с. 28–239; 9, ч. 2, с. 58–85, 162–180, 213–217, 235–253], «Дворовой тетради» [11], боярских списков XVI–XVII вв. [1; 2], разрядных [6; 7; 8], вкладных монастырских [3] книг и других источников. При анализе динамики местнических конфликтов рассматривался список из 157 княжеских фамилий.

На основе данных разрядных книг, указаний, сохранившихся в местнических делах, и информации иных источников среди княжеских фамилий можно выделить следующие «степени» социального ста-

---

⁵ 41а, 166а, 560а, 1281а, 1318а, 1407а, 1546а, 1547а, 1571а, 1591а, 1632а, 1633а, 1636а, 1641а, 1649а, 1649б.

туса: к первой принадлежали князья, занимавшие места в Боярской думе, а к низшей – служившие «с городом вместе», мало отличавшиеся от рядовых дворян и детей боярских⁶. Большинство князей занимали промежуточную вторую степень: не имели думных чинов, но служили в составе Государева двора, получали воеводские и другие разрядные назначения.

Всего в местнических столкновениях участвовали 107 из 157 фамилий (68 %)⁷. Количественно вовлеченность княжеских фамилий в институт местничества характеризуется следующими показателями: в наибольшем числе конфликтов участвовали князья Ромодановские (85 случаев), Голицыны (83), Хворостинины (66), Буйносовы (61), Туренины (60), Щербатые (60), Волконские (58), Долгорукие (53). Число местнических столкновений составило от 40 до 49 у князей Барятинских, Лыковых, Куракиных, Хилковых, Черкасских, Звенигородских; 30–39 у Трубецких, Шуйских, Пожарских, Сицких, Лобановых-Ростовских, Татевых, Одоевских, Кашиных; 21–28 у Курлятевых, Мосальских, Гагариных, Прозоровских, Тюфякиных, Пронских, Телятевских, Ногтевых-Оболенских, Засекиных-Жировых, Воротыньских, Львовых, Репниных, Бахтеяровых, Приимковых-Ростовских, Шаховских, Троекуровых; 10–19 у Мещерских, Ноздровых, Гвоздевых-Ростовских, Шестуновых, Ногтевых-Суздальских, Елецких, Мстиславских, Хованских, Великогагиных, Засекиных-Солнцевых, Мецецких, Козловских, Катыревых, Вяземских, Темкиных; 2–9 у Серебряных, Тюменских, Глинских, Щетининых, Охлябининых, Мышецких, Палецких, Токмаковых, Коркодиновых, Друцких, Белосельских, Курбских, Морткиных, Бельских-Морткиных, Горбатовых, Микулинских, Горчаковых, Телепневых-Лопатиных, Щенятевых, Бельских, Дашковых, Скопиных, Телепневых-Немых, Сугорских, Патрикеевых, Шелешпанских, Кривоборских, Тростенских, Кропоткиных, Канбаровых; по одному случаю местничеств зафиксировано у князей Касаткиных-Ростовских, Вадбальских, Ухтомских, Алабышевых, Аленкиных, Пенковых, Кубенских, Шехонских, Ушатовых, Барбашиных, Ряполовских, Гундоровых, Хотетовских, Стригиных, Ярославовых, Нагих-

---

⁶ Современники их именовали «князьями городовыми» («...князи городовые, нигде в розряде не бывали» [5, стб. 931]). На указанной степени общественного положения в XVI в. в ветви Ростовских Рюриковичей находились князья Касаткины, а у Ярославских – Шаховские, Голыгины, Дуловы и др.

⁷ В связи с ограниченным объемом настоящей публикации, составленная автором таблица со списком княжеских фамилий, их социальным статусом и числом местнических конфликтов не приводится.

Оболенских, Пенинских, Бабичевых, Корецких, Урусовых. Неизвестно ни одного местнического столкновения у представителей 47 фамилий: князей Ростовских – Голениных, Щепиных, Хохолковых, Яновых, Пужбальских, Голубых, Бычковых; Белозерских – Андомских, Кемских, Каргаломских, Дябринских; Ярославских – Сисеевых, Юхотских, Деевых, Моложских (Перининых), Судцких, Шаминых (Глебовых), Голыгиных, Дуловых; Суздальских – Глазатых; Тверских – Холмских, Чернятинских, Дорогобужских; Стародубских – Льяловских, Ковровых, Осиповских, Небогатых, Тулуповых; Рюриковичей Юго-Западной Руси – Белевских, Гнездиловских, Болховских, Конинских, Одыревских, Золотых, Щепиных-Оболенских, Жижемских, Селеховских, Путятиных; князей «выезжих» – Жеряпиных, Збаражских (Збарецких), Моложинских, Нерыцких, Несвицких, Чертенских, Юсуповых и др.

Сопоставление динамики местнических конфликтов с участием князей со сведениями о количестве, времени существования, общественном положении княжеских фамилий дает основание заключить, что рост социального статуса представителей этих фамилий в последней трети XVI в., обусловленный сходом с политической сцены княжеских фамилий, первенствовавших в середине столетия,⁸ привел к резкому увеличению числа местнических конфликтов и расцвету института местничества. Напротив, у княжеских фамилий, общественное положение которых было стабильным, местнические столкновения единичны или не зафиксированы вовсе. Повышение социального статуса князей вызывало местнические конфликты тем больше, чем значительнее был его рост. Показательны в этом отношении биографии Д.М. Пожарского [15, с. 176–179], братьев Хворостининых [10, с. 220–238], П.И. и В.И. Буйносовых, князей Лобановых-Ростовских, Шаховских и многих других. Возрастание числа местнических конфликтов с участием представителей нетитулованных фамилий после 1613 г. объясняется угасанием большинства княжеских фамилий (к концу XVII в. их было около 40). Расширение участия в институте местничества нетитулованных фамилий было остановлено упразднением его в 1682 г.

1. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... М., 1853.
2. Боярские списки 1577–1607 гг. // *Станиславский А.Л.* Труды по истории

---

⁸ К началу XVII в. число княжеских фамилий значительно уменьшилось – их оставалось около 90.

- государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
3. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
  4. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г., М., 1970.
  5. Книги разрядныя по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. 1.
  6. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
  7. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; 1978. Т. I. Ч. 3; 1982. Т. II. Ч. 1–3; 1984. Т. III. Ч. 1–2; 1989. Т. III. Ч. 3; 1994. Т. IV. Ч. 1; 2003. Т. IV. Ч. 2.
  8. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
  9. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787.
  10. *Сергеев А.В.* Воеводы Русского государства второй половины XVI века: князья Хворостинины // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016.
  11. *Сергеев А.В.* Троице-Сергиев монастырь и княжеская аристократия Московского государства в XVI–XVII в.: виды и динамика вкладов // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные свидетельства духовной культуры. Сборник материалов IX международной конференции 16–17 октября 2014 года. Сергиев Посад, 2016.
  12. *Сергеев А.В.* Представители княжеских фамилий XVI–XVII в. во вкладных и кормовых монастырских книгах из коллекции А.А. Титова // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов, 2015.
  13. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
  14. *Эскин Ю.М.* Динамика местнических споров в XVI–XVII веках // Российская история. 2013. № 4.
  15. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.
  16. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
  17. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.